

**М.В. Пономарев,
Ю.В. Гаврилова**

Защита прав меньшинств как дискурсивная практика современного конституционализма¹

В статье представлен анализ концептуальных подходов к решению проблемы меньшинств, связанных с парадигмальными установками инструментализма, примордиализма и конструктивизма как особых систем социального мышления, со-звучными им системами правопонимания, моделями конституционализма, идеологическими доктринами. На этой основе доказывается, что в современном обществе защита прав меньшинств приобретает характер дискурсивной практики.

Ключевые слова: права меньшинств; дискурс; конституционализм; инструментализм; примордиализм.

Часть I

Поиск эффективных подходов к урегулированию конституционно-правового статуса этнонациональных, религиозно-конфессиональных, языковых и иных социальных меньшинств остается актуальной задачей уже не одно десятилетие. В современном обществе с характерными для него массовыми миграционными потоками, высоким уровнем мобильности и информационной открытости, нарастающей социокультурной множественностью эта проблема становится еще более злободневной. Особую остроту она приобретает из-за явной политизации — полемика об общественной роли меньшинств и целесообразности особой защиты их прав превратилась в один из наиболее жестких водоразделов между либеральными и консервативными умонастроениями, риторикой толерантности и пафосом традиционализма. Причем в основе таких дискуссий лежит не только столкновение противоречащих друг другу мировоззренческих аксиом, но и сосуществование совершенно разных моделей социальной рефлексии, отражающих многочисленные риски и фобии современного общества, уникальную динамику его изменчивости. Не случайно в сознании консервативного большинства проблема защиты прав меньшинств постепенно вытесняется раздражением по поводу агрессивной экспансии меньшинств, тревогой об угрозах фундаментальным этическим основам человеческого бытия, стремлением защитить социокультурную целостность общества. Равным образом и обостренное переживание уязвимости представителями различных меньшинств связано не столько с реальным поражением в гражданских правах, сколько с попытками

¹ Вторая часть статьи будет опубликована в следующем номере «Вестника МГПУ».

защитить собственный образ современности, отстаивать безусловное право на поиск своей роли в меняющемся обществе. В такой ситуации проблема взаимоотношений большинства и меньшинств уже не может быть решена лишь с помощью наращивания нормативной базы и совершенствования правоприменительной практики — она приобретает *дискурсивный характер* и нуждается в концептуальном осмыслении.

Дискурсивность тех или иных социальных проблем сопряжена с глубинной противоречивостью порождающих их процессов и явлений, конфликтным сочетанием множества внутренних и внешних факторов, столкновением совершенно различных интерпретаций. Любой дискурс парадоксален по своей сути, а потому эффективное решение подобных проблем невозможно найти в плоскости линейного (нормативного) мышления [11: с. 67]. Требуется смысловое «проговаривание» предлагаемых стратегий, построение конкурирующих логических моделей, направленных на их обоснование, т. е. формирование некоей системы координат, в рамках которой предлагаемые решения могут приобрести необходимую степень легитимности.

На основе каких смысловых формаций возможно построение дискурсивного пространства для осмысления и решения проблемы меньшинств? На наш взгляд, речь должна идти о сочетании следующих слагаемых: парадигмальная триада «инструментализм – примордиализм – конструктивизм» (именно в ее русле ведутся современные дискуссии о социальной природе меньшинств), дихотомия договорного и органического правопонимания (как шкала представлений о правосубъектности социальных сообществ), типология конституционализма (либеральный, этатистский и либерально-этатистский конституционализм как модельные подходы к построению системы «человек – общество – государство»), а также идеологические традиции либерализма, социального консерватизма и коммунитаризма, наиболее актуальные для современной социальной рефлексии². При всей разнородности этих концептуальных ракурсов их сочетание позволяет сформировать три устойчивые модели³ дискурсивного осмысления проблемы меньшинств, подразумевающие определенную логику правовых решений в этой сфере.

Среди парадигмальных подходов, в русле которых возможно дискурсивное осмысление проблемы меньшинств, *инструментализм* выделяется нарочитой прагматичностью и деятельностным взглядом на социальную реальность. Он опирается на представление о поведении человека как реакции на различные обстоятельства, ситуации, риски, угрозы, заставляющие ставить перед собой конкретные цели и определять наиболее эффективные инструменты для их достижения. Инструменталисты не отрицают значимость мировоззренческих, этических, идеологических установок, но считают, что «их ценность, как ценность

² Выбор такой идеологической «триады» обусловлен возможностью сопоставить три ярко выраженных подхода к проблеме меньшинств, имеющих особое мировоззренческое обоснование. Иные идеологические доктрины в этом отношении менее репрезентативны.

³ Две модели будут рассмотрены далее, с третьей можно ознакомиться во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере.

любых инструментов, заключена не в них самих, а в их способности к работе, выявляемой по мере их применения» [3: с. 97]. Вера же в «неизменные ценности» и «абсолютные истины», с точки зрения инструменталистов, разрушает рациональную мотивацию человека, самым пагубным образом противопоставляет «идеальные» и «материальные» потребности. Поэтому общественный порядок эффективен только при условии последовательной плюрализации, толерантного отношения к многообразию мнений и стремлений, когда «мышление не стеснено целями, закрепленными социальной нормой» [3: с. 97]. Консолидация общества достигается при этом не мобилизационными средствами, а сотрудничеством людей, обладающих схожим опытом и интересами, образованием на этой основе множества добровольных ассоциаций. «Государство остается по-прежнему крайне важным, но эта важность все больше зависит от его способности стимулировать и координировать деятельность добровольных формирований», государство более не призвано «вести борьбу с могучими силами зла» и не является «целью в себе», а становится «только инструментом для обеспечения и защиты добровольных начал взаимосвязи людей» [3: с. 127].

В плоскости политико-правовой культуры общества парадигма инструментализма емко сочетается с идеологемами *либерализма* и *договорным правопониманием*. Базовой установкой служит признание человека суверенной личностью, обладающей естественным правом «оставаться в своем состоянии, не считаясь ни с кем другим, а только с собой» [9: с. 203]. Но при этом подразумевается, что прочным основанием для реализации такого права является только общественный договор – не политический или юридический акт, а рациональная и совершенно добровольная готовность человека ограничить свою естественно-правовую свободу во имя взаимовыгодного сотрудничества с окружающими. С закреплением общественного договора в массовом сознании и социальном взаимодействии рождается гражданское общество, а его консолидация, в свою очередь, создает политическую нацию — единственного легитимного субъекта конституционного процесса⁴. *Либеральная модель конституционализма* дополняет эту концептуальную схему особым взглядом на институционализацию договорного правопорядка: в качестве «ночного сторожа» создается правовое государство, компетенция которого жестко ограничена вопросами национальной безопасности, а политическая инициатива скована жестким разделением властей по принципу «сдержек и противовесов» и реальной независимостью судебной власти. Правовой статус личности формируется при таком подходе с использованием техники конституционного умолчания — отказ от массивного регулятивного воздействия гарантирует торжество в обществе естественных договорных правоотношений и, как следствие, социальной состязательности, культурного многообразия и гражданского плюрализма (классический пример — конституционная система США).

⁴ Понятие «политическая нация» сформировалось в противовес историко-культурной (примордиальной) теории наций и широко используется в инструменталистских и конструктивистских исследованиях. Самоидентификация политической нации не противопоставляется цивилизационной, этнической или языковой идентичности, но опирается на представление о договорном происхождении национального сообщества, закреплённом свободным политическим волеизъявлением.

Синтез парадигмальных идей инструментализма, либеральных идеологем, аксиом договорного правопонимания и либерального конституционализма обуславливает весьма специфический взгляд на проблему меньшинств. С одной стороны, полномасштабная реализация такой социально-правовой модели делает проблему меньшинств весьма условной — основой общественной жизни становятся высокий уровень гражданской активности, многообразие форм личностной самореализации, неформальная консолидация многочисленных страт и комьюнити. В подобных условиях любая социальная группа, по сути, представляет собой меньшинство. Более того, оформление любого устойчивого большинства и его консолидированное волеизъявление воспринимаются в качестве потенциальной угрозы, даже если речь идет о демократическом процессе (как показательно рассуждал один из отцов-основателей американского государства Александр Гамильтон, «из доктрины [демократии] отнюдь не следует, что акты большего сообщества, которые не вытекают из его конституционной власти, но вторгаются в оставшиеся у меньших сообществ полномочия, станут высшими законами страны — то будут обычные акты узурпации, и они заслуживают, чтобы к ним именно так и относились» [10: с. 217]). Но с другой стороны, именно эта логика и приводит к признанию проблемы меньшинств как одного из ключевых маркеров социально-политического здоровья нации и прочности ее конституционного строя. Считается, что дискриминация любого меньшинства по любому поводу — это наиболее очевидный признак разрыва общественного договора, следовательно, и явное свидетельство кризиса легитимности конституционного строя. Более того, поскольку в русле подобного правопонимания верховенство естественно-правовой свободы личности рассматривается как универсальная, общечеловеческая ценность, то приоритетная значимость проблемы меньшинств признается вне зависимости от специфики национальных конституционных систем (показательный пример — современная общественная дискуссия о правах гендерных меньшинств, не имеющая, с точки зрения ее активистов, никаких национальных границ).

Подобные рассуждения приводят к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: роль конституции в защите прав меньшинств (а фактически — в защите суверенного права человека «оставаться в своем состоянии») является скорее доктринальной. Практическое решение этой проблемы должно обеспечиваться на диспозитивном уровне только системой состязательного правосудия (где на первое место выходит принцип: «свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого»), а императивно — нормами международного права (поскольку даже самая развитая политическая демократия сохраняет возможность диктатуры большинства). Такой подход получил широкое признание с середины XX века под влиянием последствий Второй мировой войны. Причем на уровне международных норм четко прослеживается взаимосвязь установки на недопустимость дискриминации меньшинств не с патерналистским отношением к ним как самостоятельным социальным группам, а с «верой в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности»⁵. Так, Всеобщая декларация прав

⁵ Устав Организации Объединенных Наций. Преамбула // Официальный сайт ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml> (дата обращения: 20.12.2014).

человека (1948) провозгласила признание достоинства каждой человеческой личности «основой свободы, справедливости и всеобщего мира» и закрепила императивный характер соблюдения прав человека «без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»⁶. Признание же равенства всех людей в их базовом праве на личную свободу и достоинство предопределяет не только «право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации», но и безусловное право на свободу мысли, совести и религии (включая «свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими»), а также «право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях»⁷.

В той же логике рассматривается и вопрос о коллективной правосубъектности тех меньшинств, которые не обладают ярко выраженными чертами договорных комьюнити. В первую очередь, это касается этнических, языковых, религиозно-конфессиональных сообществ. Например, в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966) провозглашается: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»⁸. При этом речь идет не просто о существовании тех или иных меньшинств с уникальными социокультурными характеристиками, а именно о признании безусловного приоритета общечеловеческих ценностей в области защиты свободы и достоинства личности и, как следствие, о гарантированном признании правосубъектности каждого человека, «кем бы он ни являлся» (перефразируя ст. 16 Декларации), а также о соответствующих правах на социально значимые формы самоопределения и самовыражения, будь то свобода мысли, совести и религии или пользование родным языком и атрибутами этнической культуры. Эксперт ООН Ф. Капоторти в комментариях к Международному пакту о гражданских и политических правах дал емкое определение меньшинств как особого коллективного субъекта правоотношений, формирующегося на основе свободного и солидарного самоопределения граждан: «Меньшинства — это меньшая по численности, не занимающая господствующего положения группа, члены которой — граждане данного государства — обладают с этнической, религиозной или языковой точки зрения характеристиками, отличающимися от характеристик основной части населения, и проявляют, пусть

⁶ Всеобщая декларация прав человека. Статья 2 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

⁷ Всеобщая декларация прав человека. Статьи 7, 18, 19, 22 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах. Статья 27 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

даже косвенное, чувство солидарности в целях сохранения своей культуры, своих традиций, религии или языка» [13: с. 5–12]. Заметно, что ключевым критерием идентификации здесь рассматривается именно инструментальное действие человека, его свободный выбор, а не принадлежность к той или иной группе. Та же самая логика прослеживается и в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (1981): признание того, что «религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни», обуславливает необходимость «понимания, толерантности и уважения» по отношению к конфессиональным группам⁹. Соответствующий подход может быть распространен и на любые иные меньшинства помимо этнических, языковых и религиозных. Например, Хартия Европейского Союза об основных правах (2000) предусматривает запрет «любой дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, этнического или социального происхождения, генетических черт, языка, религии или убеждений, политических или любых иных взглядов, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации»¹⁰.

Рассуждая в русле либеральной (а по сути — инструменталистской) парадигмы, следует признать, что императивный статус подобных норм международного права выступает вполне достаточной гарантией для обеспечения приоритета естественных прав человека и недопущения дискриминации меньшинств. Любые попытки укрепить соответствующий правовой режим нормативным регулированием на уровне национального права представляются весьма рискованными. Во-первых, возникает угроза деформировать тот естественный «плавивый тигель», в котором в условиях культурной множественности и социальной состязательности рождаются жизнеспособные формы социализации и самоидентификации человека. Наглядным примером служит государственная политика мультикультурализма, активно проводившаяся в Австралии и Канаде в 1960–1970-х годах под лозунгом «интеграция без ассимиляции» (фактически речь шла о системном воздействии на общество вплоть до прямого насаждения культурного многообразия) [2; 4; 6; 7]. На практике это привело либо к сегрегации искусственно поддерживаемых меньшинств, либо к нарастанию напряженности между этнонациональными, языковыми группами населения. Во-вторых, сам переход от охранительного к регулятивному решению проблемы меньшинств неизбежно ставит вопрос об однозначном признании и нормативном закреплении коллективной правосубъектности меньшинств, что совершенно противоречит логике инструментализма. С этой точки зрения необходимо даже не сохранение «плавивого тигля», а, как отмечал один из ведущих теоретиков американского инструментализма Милтон Гордон, трансформация

⁹ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Преамбула. Статья 2 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

¹⁰ Хартия Европейского Союза об основных правах. 2000. Статья 21 // Право Европейского Союза. URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter> (дата обращения: 20.12.2014).

его в «множественный, бурлящий котел», закрепляющий «плюрализм национальной действительности» и легализующий формирование все новых и новых субкультурных сообществ [14: с. 131].

Парадигма *примордиализма* (от лат. *primordial* — изначальный) опирается на принципиально иные мировоззренческие установки. Фундаментом социальности общества считаются исконные культурные формы, образующие своего рода этос каждого народа — его «тип, характер и стиль жизни, отличительные особенности этики и эстетики», т. е. все то, что «лежит в основе отношения данного народа к самому себе и к окружающему миру» [1: с. 149]. Историческая эволюция таких этосов носит строго преемственный характер, а потому формирование и развитие наций, их политическое волеизъявление лишь отчасти может быть воспринято в категориях рациональной целесообразности — в основе их лежит проявление народного духа, вневременная ментальная общность и глубинное единство ранее живших, ныне живущих и будущих поколений. Каждая «состоявшаяся» нация представляется «извечным, повторяющимся феноменом, корни которого уходят в прошлое на века», но при этом живым и энергичным организмом, обращенным в будущее благодаря своей уникальной исторической миссии [8: с. 56–57]. Не отрицая значимость культурного многообразия и индивидуального начала человеческой жизни, примордиалисты считают их второстепенными факторами социализации и самоидентификации личности. Ключевую роль, по их мнению, играют этнические, конфессиональные, языковые факторы — именно они аккумулируют многовековой культурный опыт, обеспечивают освоение историко-культурных архетипов, т. е. формируют подлинный жизненный мир человека.

В рамках идеологического пространства общества парадигма примордиализма наиболее емко сочетается с доктриной *социального консерватизма*, ориентированной на идеалы патриотизма, державности и внеклассовой солидарности, сочетание государственного патернализма и реформизма, оздоровление «общественных нравов» и возрождение «национального духа»¹¹. Подобные установки тесно связаны с *органическим правопониманием* — представлением о праве как системе солидарных отношений, где ключевую роль играет единство общества в понимании справедливости, правды, чести, добра, а не формально-юридические процедуры и нормативные императивы. На первый взгляд, такая позиция представляется очень зыбким основанием для конституционного строительства. Однако она в полной мере реализуется в рамках *этанитарной модели конституционализма*, предполагающей безусловное преобладание коллективной правосубъектности и торжество общенациональных интересов, построение сильного, социально ответственного государства с ярко выраженным политическим лидерством и строгой вертикалью власти. Такой подход противопоставляется формализму либеральных демократий: «То механическое,

¹¹ Ярким историческим примером социального консерватизма является идеология голлизма. В начале XXI века схожие позиции занимали многие ведущие политики Европы и Северной Америки, в том числе постсоветского пространства (В.В. Путин, Дж. Буш-младший, Н. Саркози, А. Меркель, В. Клаус, братья Л. и Я. Качинские, М. Джоанэ, В. Орбан и др.). На принципах социального консерватизма строится программа партии «Единая Россия».

количественное и формальное понимание государства, которое осуществляется в западных демократиях, не есть ни единственно возможное, ни верное. Напротив: оно таит в себе величайшие опасности... отрывая публичное право человека от его качества и способности, оно не единит граждан в Общем, а утрясает в компромисс их своекорыстные голоса» [5: с. 42].

История XX века продемонстрировала немалые риски такого вектора конституционного развития — опасность незаметной фашизации общества, легкость преодоления грани между тотальным единением своих и столь же тотальной ксенофобией по отношению к иным, тупики авторитаризма и вождизма. Однако в современных условиях возрождение органического правопонимания вполне возможно и в рамках смешанной, либерально-этатистской модели конституционализма, когда широкая многопартийность сменяется широким фронтом здоровых сил общества, либеральная демократия уступает место народной или социальной, правовое государство трансформируется в диктатуру закона, а политическая воля и личная ответственность общенационального лидера затмевают ценность гражданского диалога. В этом плане особенно показателен Основной закон Венгрии, принятый в 2011 году и продемонстрировавший, что подобные тенденции могут быть характерны не только для стран постсоветского пространства, Латинской Америки или Азии. Новая венгерская конституция закрепила вполне универсальный набор прав и свобод человека и гражданина, но их реализацию и возможность ограничения поставила в зависимость от «защиты конституционных ценностей», в основе которых лежит «соглашение между венграми прошлого, настоящего и будущего», а также «достижения исторической конституции и Святая Корона, воплощающие перманентность конституционной государственности Венгрии и единство нации»¹². Как следствие, усилилась политическая консолидация венгерского государства, выросла роль духовных институтов (в первую очередь Католической церкви), сократились полномочия конституционного правосудия, а из названия страны показательно исчезло слово «республика».

Проблема меньшинств имеет по-своему очень логичное решение в русле примордиального подхода и органического правопонимания. Прежде всего, подразумевается, что конституционная правосубъектность может быть признана лишь за меньшинствами, представляющими собой устойчивые социальные группы, а значит, обладающими такой же исконной социокультурной природой, как и большинство (не случайно в этой роли рассматриваются этнические, языковые, конфессиональные группы, но не гендерные, идеологические или субкультурные). Такие «примордиальные меньшинства» образуют системную «периферию» по отношению к «центральной культуре» данного общества [12: с. 351]. Подразумевается, что отношения между «центром» и «периферией» должны выстраиваться как соподчинение с безусловной лояльностью меньшинств. Но именно в силу такой интеграции меньшинства и получают возможность относительно

¹² Основной закон Венгрии. 25 апреля 2011 года. URL: http://www.lgzforum.ru/hung/?page_id=1072 (дата обращения: 15.10.2014); *Пекорио А., Эрнест А.* Меморандум «Новая венгерская конституция» // Европейский правовой центр. URL: <http://eclj.org/PDF/ECLJreportinrussian.pdf> (дата обращения: 20.12.2014).

автономного существования и преемственного культурного развития. Более того, гарантии безопасности для них и отсутствие любых форм дискриминации воспринимаются большинством как важное свидетельство справедливости и порядка. Однако ситуация совершенно меняется, если речь заходит о притязаниях тех меньшинств, которые либо сменяют позицию лояльности на явный или скрытый сепаратизм, либо самим своим существованием вступают в конфликт с примордиальными ценностями (как, например, сексуальные меньшинства). Отношение большинства к подобным проявлениям инаковости может быть самым жестким.

Правовое воплощение такая модель отношений находит прежде всего в развитом институте социального государства, которое выступает гарантом стабильного и защищенного развития как «центральной культуры», так и лояльных ей меньшинств. Причем речь идет не только о нормативном запрете любых форм дискриминации. Гораздо большее значение приобретает активное воссоздание «духовных скреп» общества как «сети примордиального притяжения» (по выражению К. Гирца), сосредоточение действий государства на создании «упорядоченной системы культурных символов», способных органично консолидировать все многообразие культурных форм [1: с. 307, 228, 234, 365]. Важное значение в этом процессе имеет повышение роли конституционной доктрины в качестве ценностного фундамента общества и соответствующее преодоление нормативистской узости в отношении к конституционному праву (характерным примером является гибкое толкование принципа светского государства, широко распространившееся в последние годы). Возможна и прямая институционализация соответствующих социальных практик — например, закрепление примордиальных стандартов в сфере исторического образования и конфессионального воспитания, статусная дифференциация общественных организаций с точки зрения их лояльности к «духовным скрепам» общества, патерналистская языковая политика и т. п. Во всех подобных случаях меньшинства также получают дополнительные гарантии и возможности для укрепления своего культурного пространства — это является частью общей стратегии на укрепление примордиального фундамента всего общества. Но предметом защиты становятся не дух толерантности и культурная множественность общества, а интересы конкретных социальных групп, выступающих в роли своих меньшинств. Например, в Конституции Исламской Республики Иран «признание прав религиозных меньшинств» реализуется через закрепление такого статуса только за «иранскими зороастрийцами, иудеями и христианами как единственными религиозными меньшинствами»¹³. Роль международного права в решении проблемы меньшинств существенно снижается, поскольку и примордиальная парадигма, и доктрина этатистского конституционализма в особой степени акцентируют значимость принципа национального суверенитета. Впрочем, современное международное право позволяет избегать коллизий в этом вопросе. При сохранении преемственности в общих доктринальных установках стратегия защиты прав меньшинств постепенно смещается к примордиальной

¹³ Конституция Исламской Республики Иран. 1979 г. Статья 13. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 20.12.2014).

логике. Так, в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992) речь идет о правах, возникающих именно в силу *принадлежности* к соответствующим социальным группам. То есть меньшинства рассматриваются как устойчивые сообщества с коллективной правосубъектностью, принадлежность к которым является не столько результатом мировоззренческого выбора, сколько унаследованным социальным статусом. Соответственно и защита от дискриминации означает не гарантированную свободу самовыражения, а «создание благоприятных условий для использования достояния своей культуры»¹⁴. Проявлением примордиальной логики можно считать и закрепление приоритетной роли принципов территориальной целостности и национального суверенитета по сравнению с защитой прав меньшинств. Так, Декларация Стамбульского саммита ОБСЕ 1999 года недвусмысленно утверждает, что «полное уважение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, помимо того, что является самоцелью, не может подрывать, но может укреплять территориальную целостность и суверенитет»¹⁵.

Литература

1. *Гири К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
2. *Головкина О.В.* Мультикультурализм и проблема национальной идентичности в Канаде // США и Канада: экономика, политика, культура. 2009. № 6. С. 117–127.
3. *Дьюи Д.* Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494 с.
4. *Зайка К.В.* Проблема национальной интеграции в условиях возрастающего этнокультурного многообразия (на примере Канады): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 25 с.
5. *Ильин И.А.* Об органическом понимании государства и демократии // Ильин И.А. О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. С. 34–39.
6. *Куропятник А.И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: СПбГУ, 2000. 207 с.
7. *Петриковская А.С.* Австралийский мультикультурализм: Опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 28–44.
8. *Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004. 466 с.
9. *Спиноза Б.* Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. С. 5–284.
10. *Федералист.* Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея / под общ. ред. Н.Н. Яковлева. М.: Прогресс Литера, 1994. 592 с.
11. *Честнов И.Л.* Критический дискурс-анализ как метод постнеклассической теории права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 1 (13). С. 67–74.

¹⁴ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. 1992 г. Преамбула. Статья 2, 4 // Официальный сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 20.12.2014).

¹⁵ ОБСЕ. Декларация стамбульской встречи на высшем уровне. 1999 // Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения. Т. II. 2011. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/77678?download=true> (дата обращения: 20.12.2014).

12. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / под ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1972. С. 431–459.
13. Capotorti F. Study on the rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities // Human Rights Study Series. New York, 1978. № 5. P. 5–12.
14. Gordon M.M. Human Nature, Class and Ethnicity. New York: Oxford University Press, 1978. 316 p.

Literatura

1. Gircz K. Interpretaciya kul'tur. M.: ROSSPE'N, 2004. 560 s.
2. Golovkina O.V. Mul'tikul'turalizm i problema nacional'noj identichnosti v Kanade // SShA i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2009. № 6. S. 117–127.
3. D'yui D. Rekonstrukciya v filosofii. Problemy' cheloveka. M.: Respublika, 2003. 494 s.
4. Zajka K.V. Problema nacional'noj integracii v usloviyax vozrastayushego e'tnokul'turnogo mnogoobraziya (na primere Kanady'): avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2010. 25 s.
5. Il'in I.A. Ob organicheskom ponimanii gosudarstva i demokratii // Il'in I.A. O gryadushhej Rossii: izbr. st. / pod red. N.P. Poltoraczko. M.: Voenizdat, 1993. S. 34–39.
6. Kuropyatnik A.I. Mul'tikul'turalizm: problemy' social'noj stabil'nosti politicheskix obshhestv. SPb.: SPbGU, 2000. 207 s.
7. Petrikovskaya A.S. Avstralijskij mul'tikul'turalizm: Opy't e'tnicheskoj politiki // E'tnograficheskoe obozrenie. 1993. № 2. S. 28–44.
8. Smit E. Nacionalizm i modernizm. M.: Praksis, 2004. 466 s.
9. Spinoza B. Bogoslovsko-politicheskij traktat // Spinoza B. Izbranny'e proizvedeniya: v 2 t. M.: Gospolitizdat, 1957. T. 2. S. 5–284.
10. Federalist. Politicheskie e'sse A. Gamil'tona, Dzh. Me'disona i Dzh. Dzheya / pod obshh. red. N.N. Yakovleva. M.: Progress-Litera, 1994. 592 s.
11. Chestnov I.L. Kriticheskij diskurs-analiz kak metod postneklassicheskij teorii prava // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Yuridicheskie nauki». 2014. № 1 (13). S. 67–74.
12. Shilz E. Obshhestvo i obshhestva: makrosociologicheskij podxod // Amerikan-skaya sociologiya: Perspektivy', problemy', metody' / pod red. G.V. Osipova. M.: Progress, 1972. S. 431–459.
13. Capotorti F. Study on the rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities // Human Rights Study Series. New York, 1978. № 5. P. 5–12.
14. Gordon M.M. Human Nature, Class and Ethnicity. New York: Oxford University Press, 1978. 316 p.

M.V. Ponomarev, Yu.V. Gavrilova

Protection of Minority Rights as a Discursive Practice of Modern Constitutionalism (Part I)

This article analyzes the conceptual approaches to the 'minority issues' related to the paradigmatic settings of instrumentalism, constructivism and primordialism as special systems of social thinking, legal systems, models of constitutionalism, ideological doctrines. On this basis, it is proved that in modern society the protection of minority rights grows into a discursive practice.

Keywords: minority rights; discourse; constitutionalism; instrumentalism; primordialism.